

УДК 81-13

ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ И КОГНИТИВНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ***В.З. Демьянков***Институт языкознания РАН (Москва, Россия)**vdemiank@mail.ru*

Есть несомненное сходство недостоверной информации как разновидности трансфера знаний с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство.

В основе гигиенических читательских приемов лежит гипотеза человека, критически воспринимающего сообщения СМИ, о неокончателности, гипотетичности интерпретации на любых ступенях восприятия. Основания для читательских подозрений, что не все «чисто», дают заголовки в виде утверждений, не совпадающих с содержанием основного текста.

Эмпирическое контрастное исследование практик речевой манипуляции и противодействия ей в различных национальных культурах – важная область прикладной когнитивной лингвистики. Профилактические действия по борьбе с дезинформацией в СМИ должны осуществляться содружеством самых разных дисциплин, но когнитивные науки в этом содружестве играют ключевую роль.

Ключевые слова: когнитивные науки, трансфер знаний, когнитивная инфекция, когнитивная гигиена, вербальная манипуляция.

Для цитирования: Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5-13.

DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13

1. Знание: репрезентация и статус информации

Когнитивный подход к языку выделяется из числа других своей информационно-поисковой направленностью.

Информация, по мнению многих исследователей, не просто соотнесена со знанием (поскольку связана с некоторым утверждением, оцениваемым как правильное или ложное): говоря об информации, исходят из презумпций ее пополняемости и необходимости для осуществления будущих социально значимых действий в рамках человеческих институтов [Daval 1981: 161]. Разграничение информации и знания основано на обыденных представлениях о «накоплении» и «складировании» в пространстве-времени. Информация – то, что «содержится» в текстах и в иных «носителях информации» и доступно для сбора. А знание – та информация, которая уже была собрана на протяжении некоторого времени,

зарекомендовала себя как правильная и направляет дальнейший ход сбора информации¹.

«Передача» и «распространение» информации и знаний – примерно то же расширительное употребление слов, что и «переносное» значение в языке и речи: абстрактные идеи – знание, интерпретация, значение – объявляются существующими и меняющимися в пространстве предметов.

Когнитивистские термины *репрезентация знания* и *репрезентация значения* вводят еще одно измерение в эту фигуру речи: репрезентация менее абстрактна, чем идея, но более абстрактна, чем осязаемый предмет. Можно быть репрезентацией по своей внешней функции («служить для репрезентирования»), но не по своему внутреннему устройству.

У самого термина *репрезентация* есть прототипический и переносные смыслы [Кубрякова, Демьянков 2007]. Прототипическая репрезентация – выражение на метаязыке (не обязательно словесном), который:

* Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

¹ Ср.: «The distinction is that while information is contained in the stimulus and is available for us for gathering, knowledge is information that has been gathered over time and that can guide the collection of future information» [Underwood, Batt 1996: 7].

– по синтактике значительно проще языка-объекта, поскольку основан, в идеале, на нескольких синтаксических правилах;

– интерпретируется более или менее однозначно и лишен – по замыслу – идиоматичности.

Однако обычно мы сталкиваемся с непрото-типическим смыслом: *репрезентация* – то, как (по предположению исследователя, использующего один предмет для «показа» другого) нечто отражено в сознании носителей языка-объекта. Скажем, художественные произведения, создаваемые на естественном языке, являются вербальными репрезентациями событий и знаний о вымышленном и о реальном мирах автора и интерпретаторов текста.

Употребление термина *репрезентация знаний* в лингвистических работах все-таки ближе к прототипическому и формально задает знания в рамках некоторой «информационной» системы. Термин «репрезентация» в таких словосочетаниях в обыденной речи часто избыточен: «знать» некоторую репрезентацию некоторого знания предмета X – значит обладать самим знанием этого предмета X. Например, сообщая, что Петя знает таблицу умножения, хотят сказать, что Петя умеет умножать любые числа между собой, а потому обладает соответствующим вычислительным навыком и знаниями. Случай, когда кто-либо вы зубрил и может легко воспроизвести таблицу с обложки школьной тетради, но не может умножить 11 на 12, тоже соответствует такому утверждению, однако его обычно не имеют в виду. Такая интерпретация утверждения не является первой и «целевой». Конечно же, переносные употребления термина *репрезентация* в подобных контекстах удаляют нас от прототипического.

Не менее обычным является другой перенос: из того, что некто знает правила русской грамматики, делают вывод, что этот некто знает русский язык. Но типологи, изучающие многие языки чисто «теоретически», далеко не все обладают практическим знанием этих языков, а потому опровергают такую логику. Или когда ребенок говорит: «Я уже почти знаю японский язык: вчера мне папа купил учебник». Носитель репрезентации (учебник) уже есть, а знания пока нет.

При этом можно сказать: «Петя знает русский язык, но ни одного правила русской грамматики сформулировать не может, он не в состоянии провести школьный разбор по членам предложения; да что там – даже читать и писать толком не умеет». То есть знать некоторый объект – не то

же, что обладать некоторой конкретной репрезентацией знания этого объекта.

Итак, репрезентация знаний, о которой все время говорили когнитивисты, должна быть настолько доступной для народа, что простому когнитологу ее и представить себе трудно! Поэтому, продолжая мысль Н.Н. Болдырева, считающего языковые категории форматами знаний [Болдырев 2006], можно характеризовать репрезентацию знаний как «форматы», как определенный статус «известной информации» и только во вторую очередь как наполнение этого формата.

Репрезентации в форме наглядных схем или формул (их за пределами лингвистики часто называют «экспликациями») позволяют чисто формальным, «алгебраическим» путем производить «вычисления» новых знаний на основе хранимых. Таков, например, формальный аппарат математической логики как репрезентации логического знания. В таких репрезентациях непосредственно «известные» пропозиции о внешнем и о внутреннем мирах человека заодно «подают» и «выводные» знания. Однако выводные знания порождаются репрезентацией, а не фактами, которые сами по себе ничего «порождать» не могут.

С этим обстоятельством мы сталкиваемся в рамках проблемы достоверности сведений СМИ: когда автор текста вроде бы и не солгал (описываемое событие имело место), но сформулировал свое сообщение так, чтобы читатель даже не заметил, как усвоил недостоверную информацию. На этом приеме, к которому мы вернемся ниже, основана речевая манипуляция человеческим сознанием.

2. Вещественность, пространственность знаний и их трансфер

Типовая репрезентация знаний вещественна и занимает место в пространстве-времени. По переносу, о знании тоже говорят как о вещи в пространстве. Например, знания «лежат» в некоторой области, бывают «обширными», «солидными» или «слабыми». И их можно «передать» и «получать». Абстрактная идея представляется как конкретный предмет. Впрочем, к «передаче» знаний в пространстве мы часто относимся с долей скепсиса, о чем свидетельствуют многочисленные сбои в употреблении указанной фигуры речи. Так, нельзя дать взаймы какие-либо знания – но можно знаниями (не всегда «безвозмездно, т.е. даром») поделиться. Когда кто-либо «продает» свои знания (чаще, впрочем, выгоднее продать мозги, если

они есть), их у него меньше не становится – вопреки законам сохранения материи. Не так, когда знания (и мозги) «пропивают»: здесь этот закон сохранения бесчеловечен и действует со всей немумолимостью.

Знания могут покинуть большую голову или прийти в нее добровольно (например, «осенить»), однако нельзя их щедрому донору «вернуть за ненадобностью назад» – в отличие от денег и других ценных вещей. Пожалуйтесь кому-нибудь, что отдали Люсе знания английского языка в хорошем состоянии, а назад получили в истрепанном и не полностью!

Знать одно слово не так престижно, что и знать много слов или обладать неязыковым знанием. На этом основано экспериментальное употребление слова *известно* в следующем известном эпизоде: «Мадмуазель Собак слыла культурной девушкой: в ее словаре было около ста восьмидесяти слов. При этом ей было известно одно такое слово, которое Эллочке даже не могло присниться» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев).

Невозможно также лишиться последних знаний, передав их в другие руки. Можно сказать: «Все знание английского языка у Васи – от меня», так же, как родители могут сказать: «Голубые глаза у Васи – от папы». Но нельзя при этом добавить: «Себе я не оставил ничего». А объявление «Отдам знание физики в хорошие руки» просто таинственно.

Однако, передавая всю информацию о ком-либо, могут иметь в виду документы, с содержанием которых дарители не успели ознакомиться. После этого широкого жеста у вас, действительно, больше никакой информации может и не остаться – разве что копии или утаенные оригиналы «на черный день». Но со знанием этот номер не пройдет: даже передавая все свои знания о человеке, вы не останетесь с пустой головой, опустошив свое хранилище знаний.

При всей своей неполноте в обыденной речи, аналогия между передачей предметов и передачей знаний, тем не менее, очень широко эксплуатируется в гуманитарных науках. Например, в метафорическом представлении о «трансфере знаний», особенно часто упоминаемом в последнее время. Так, трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, знакомых («известных») опосредованно. Тогда имеют дело с трансфером «от известного к неизвестному» [Демьянков 2016].

В частности, метафора – тот случай употребления выражения, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже, чем в другой. Это переход от знания, данного непосредственно, к знанию, полученному опосредованно.

Констатация избытка или недостатка знаний («белых пятен») продуктивна для науки. О дефиците в родной сфере часто узнают, пронаблюдав, какое изобилие методов и результатов у соседей по научному огороду: «У кого все, а у кого – ничего». Стремление, «чтобы было не хуже, чем у Джоунсов», свойственно не только человеку бытовому, но и человеку пытливому. Гасят дефицит знаний не только средствами самой обделенной области, но и за счет «соседних» научных и ненаучных дисциплин.

В традиционной исторической семантике о семантических переходах говорят как о контекстно-обусловленных изменениях значения слова. В фокусе же внимания исследователей «трансфера знаний» находятся не значения слов, а изменения в осведомленности человека: о предметах и о том, как об этих предметах принято говорить – т.е. о репрезентациях предметов в данном обществе и у соседей. Такой трансфер представляет мультидисциплинарную исследовательскую проблему для «археологии знания» в смысле [Foucault 1969]. Разумеется, исторические и контекстные изменения значения слов являются симптомами возможного, но не всегда действительного трансфера знаний.

«Трансфер» знаний между культурами, отдельными людьми, научными дисциплинами – не буквальное пересечение границ самим знанием. Этот трансфер осуществляет человек с помощью репрезентаций, которые выступают в качестве «денежных знаков», служащих для обмена между соседями.

Возможен такой трансфер – обмен репрезентациями – и между разными каналами, по которым информация поступает к одной и той же личности. Когнитивная лингвистика сегодня пытается описать и объяснить не только языковые техники выражения, но и пути расширения горизонтов знания человека, пользующегося языком для создания новых знаний.

Сегодня очень часто понятия социальных и гуманитарных наук анализируются в опоре на то, как принято говорить в обыденной речи, которая является одним из важнейших доноров этих наук. Например, такой подход к анализу политически нагруженных слов получил название линг-

вистической политологии: классифицируя различные контексты употребления слов и/или конструкций, делают выводы о том, каковы обслуживаемые «политические культуры». Скажем, осведомленность о том, что бывает черным и что еще можно назвать черным, различна в разных культурах, у разных людей и даже в разных науках, см. [Демьянков 2012]. Когнитологическая политология устанавливает, как и почему «обыденное» значение, прокравшись в интерпретацию политически значимого понятия, сказывается на оценке политических реалий.

3. Насильственный трансфер знаний как когнитивная инфекция

Знания можно не только передать и получить, но и «подцепить», как заразу – помимо своей воли. Есть несомненное сходство недостоверной информации с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство: представления и об инфекции, и о знаниях, овладевающих человечеством помимо его воли, покоятся на гипотезе о наличии невидимых мельчайших «возбудителей» и болезней, и информации. Об этих «возбудителях» также говорят в пространственных терминах.

При обычной инфекции причина зла лежит в восприимчивости живого организма к болезни, когда организм воспринимает «чужое» как свое. Аналогично и при восприятии чужого сообщения, симптом понимания которого – готовность к действиям, прямо или косвенно задаваемым содержанием самой речи. Вербальное манипулирование подсознанием, в частности, гипнотическое внушение, основано на этом.

В условиях «гибридной» войны исследование языка СМИ сосредоточено на двух следующих главных задачах:

– выявление реально используемых языковых техник манипулирования читательским подсознанием в различных национальных культурах и разработка новых технологий (инженерия) манипулирования,

– выявление и разработка техник противодействия вредной речевой манипуляции, или «гигиена понимания» – приемы и практики направленного восприятия текста, дискурса и общего контекста сообщений.

При слове *гигиена* возникает устойчивый образ белых халатов, шапочек, масок и безжалостно добрых рук крепко сложенных санитарок в толстых резиновых перчатках. Мы же займемся исключительно лингвистической санитарией, свя-

занной с извлечением достоверных сведений даже из ложных, туманных или двусмысленных сообщений. Когнитивная гигиена направлена на то, чтобы оставить в минимально поврежденном состоянии багаж знаний после атаки «фейковыми» новостями. Приемы такой гигиены при интерпретации текста позволят – иногда значительно, но далеко не полностью – нейтрализовать прямое и косвенное искажение информации.

В основе гигиенических читательских приемов лежит гипотеза человека, критически воспринимающего сообщения СМИ, о неокончателности, гипотетичности интерпретации на любых ступенях восприятия. Сомнения в адекватности восприятия текста подтверждаются особенно часто, когда читатель боковым зрением замечает несуразницы, противоречия и чувствует недосказанность. Читатель-чистюля не должен в радости от предстоящей сенсации революционизировать свои представления. Он должен сказать себе: «Не торопись вводить эту информацию в состав своих несомненных знаний, дальше странные новости получат другое объяснение, и пошатнувшийся мир вернется в равновесие». Недаром восприятие чужой речи в рамках коммуникации иногда сравнивают с охотой¹ или со сбором съедобных грибов.

Основания для читательских подозрений, что не все чисто, дают заголовки в виде утверждений, не совпадающих с содержанием основного текста. Читательская презумпция «надежности» чужого текста тогда серьезно подрывается. Об этом качестве пропагандистского текста см. [Kambartel, Schneider 1981: 170].

Например, одна заметка недавно была озаглавлена так: «Максакова рассказала о романе с Саакашвили» (Ремблер/Новости, 9.08.2017). Рядовой читатель обрадованно встревожен: «Как, у них был роман? Уж я-то должен был это знать?». Но первая же фраза самой заметки «тупо» и бессердечно опровергает пресуппозицию существования «романа»: «Вдова экс-депутата Госдумы Дениса Вороненкова Мария Максакова опровергла появившуюся в СМИ информацию о ее романе с бывшим президентом Грузии Михаилом Саакашвили. Об этом пишет «Комсомольская правда»». Статус словосочетания *роман с Саакашвили*, если выражаться со всей одесской прямоотой, таков: «Референта не найдено». И менять

¹ Ср.: «successful communication resembles the identification processes of a hunter, who infers, on the basis of few indicators gathered under unfavorable conditions of observation, the kind, size, and movement direction of his pursued prey» [Vukovich 1995: 241].

свой ценный багаж знаний не надо. Фейк-с, сэп! Однако след от этой новости не очень благоприятен для репутации Марии Максаковой: «Так вон она какая! Да еще и сама об этом рассказывает...».

В данном случае автор заметки только мгновение щекотал нервы своего читателя, поскольку саморазоблачение последовало в следующей же фразе. Однако часто видно невооруженным взглядом, что создатели таких новостей пытаются прочно заложить сомнительные сведения на дно читательской памяти в качестве несомненного знания. Двусмысленные формулировки приобретают смысл, не совпадающий с первой интерпретацией заголовка, только при прочтении той части основного текста, до которой торопливый читатель может даже не дойти. Обвинить автора в клевете в таких случаях нельзя, поскольку эта первая, «целевая», вводящая в заблуждение интерпретация, – не единственная.

Как мы помним из советской киноклассики, в разговоре запоминается самая последняя фраза. Эту штирлицевскую мудрость авторы информационных сообщений обогащают следующим наблюдением: зато первая фраза потихоньку отложится как несомненная истина, задолго до того, как читатель установит другие смыслы неоднозначного высказывания. Самая первая интерпретация успеет оставить свою коварную царяпину на знаниях зазевавшегося читателя, а из актуальной памяти сотрется. Иначе говоря, заголовок служит в качестве своеобразной коммуникативной «темы», а последняя фраза, сказанная при расставании – «рема», и ее впоследствии должны будут вспомнить. Как говорится в старом анекдоте¹, ложки найдутся, а «когнитивный осадок» от нечаянно «освоенных» фейковых новостей останется в подсознании читателя-растяпы. Где они, идеальные антибиотики для борьбы с когнитивной манипуляцией? Очистить инфицированное подсознание пострадавшего читателя трудно, гораздо проще бдительно читать новости.

Подобные приемы в СМИ часто основаны на неоднозначности референтного статуса именованных. В этом случае бдительный читатель должен (по правилам гигиены – обязан!) установить, правильно ли он под руководством автора соотносит привычные именованные, употребляемые в тексте, с привычными предметами – или же имеется в виду совершенно иное. Референтный

статус – видимое или предполагаемое намерение автора указать на связь именованных с конкретными объектами (по мнению некоторых исследователей, референция накрепко привязана к намерению, см. [Hinzen 2007: 17]). Неоднозначность возникла из-за того, что автор заметки не воспользовался традиционными кавычками в знак отстранения от высказывания. С кавычками заголовков выглядел бы так: «Максакова рассказала о “романе с Саакашвили”». Почувствуйте разницу с оригиналом: в варианте с кавычками автор не навязывает презумпцию существования референта у злополучного словосочетания. Другая возможность реализуется читателем, который должен брать именование без кавычек все-таки не голый рукой, а перчаткой, да еще и пинцетом, чтобы гадкий возбудитель не прокусил высококачественную интерпретационную резину. Репрезентация такого прочтения будет содержать установку² «так называемый» (роман). Незаражение гарантировано.

Теперь возьмем заметку, озаглавленную так: «Стала известна дата импичмента Трампа» (Ремблер/Новости, 9.08.2017). Читатель заинтересован: вот-вот мы узнаем, когда конкретно (какого числа, чтобы надеть шорты нужного раскраса) произойдут соответствующие события. Но в тексте далее читаем: «Президентство Дональда Трампа не продлится и года. “Ультраправая элита” США намерена уже к Рождеству выжить неугодного хозяина из Белого дома, заменив его на своего союзника – Майкла Пенса». Итак, настоящий статус словосочетания *дата импичмента*

² Подобные элементы репрезентации знания иногда называют, вслед за [Foley, Van Valin 1985], информационной упаковкой, ср.: «Information packaging, a non-truth-conditional component of sentence interpretation, a.k.a. topic-focus articulation and functional or communicative structure, is a major determinant of syntactic shape [...] Information packaging, as an interpretive component, is language independent, i.e., its internal workings should be constant across languages. A comparison of Catalan and English, however, shows that different languages use different structural means to realize information packaging. In English-type language this realization is mostly prosodic, despite having informationally loaded constructions like topicalization. In Catalan-type language this realization is exclusively syntactic. [...] information interpretive rules may remain constant across languages if we posit a cross-linguistically uniform abstract level of representation, IS, mediating between surface syntax and the informational component. The interpretive rules that bleed IS are the same for all languages. The contrasts they display in the structural realization of information packaging are now located exclusively in the syntax, in the mapping between S-structure and IS. The level of IS plays a role analogous to the one played by LF with respect to logico-semantic interpretation, i.e. an interface level of pure disambiguated representation» [Vallduví 1995: 123-124].

¹ «После тебя в прошлый раз ложки пропали». – «Так я их не брал». – «Ну да, мы их-таки вчера нашли, но осадок остался».

Трампа – «Референт, возможно, существует». А когнитивный осадок, если его не нейтрализовать, таков: «Ой, быть импичменту».

Наконец, под заголовком «Обнаружена связь принцессы Дианы с КНДР» (Ремблер/Новости, 9.08.2017) читаем: «Британское издание Daily Express узнало о “связи” погибшей принцессы Дианы с Северной Кореей. КНДР использовала образ Дианы для привлечения валюты в страну. В 1980-х годах на территории Северной Кореи были выпущены памятные марки, приуроченные ко дню свадьбы принцессы Дианы и принца Чарльза в 1981 году, а затем в 1982 году к празднованию 21-го дня рождения принцессы Уэльской. [...] такой шаг был сделан для привлечения иностранной валюты». Статус словосочетания *связь принцессы Дианы с КНДР*: «Не то, что вы подумали». Ведь не утверждается, что принцесса Диана в эту связь вступила: во всяком случае, об этом вступлении заметка честно умалчивает. Однако читатель, которому некогда знакомиться с самим текстом, подсознательно зарубит «на носу своей памяти»: «Есть мнение, что Диана была севернокорейской шпионкой!». Этот осадок на дне подсознания будет его сопровождать еще очень долго, если не всю жизнь.

Остановимся на нескольких типах когнитивной инфекции как недоброкачественной разновидности трансфера знаний.

3.1. «Один – за всех»

Очень хорошо зарекомендовал себя продуктивный способ ввести в заблуждение, основанный на использовании кванторов в логической интерпретации заголовка. Неадекватность напрашивающейся интерпретации становится ясна читателю иногда при прочтении самых первых предложений основного текста, и совесть автора заметки сразу же успокаивается: в своем стремлении пошутить он недолго водил читателя за вышеупомянутый «нос памяти».

Особенно показательно употребление именований во множественном числе. Естественная гипотетическая интерпретация тогда состоит в том, что речь идет о множестве референтов, в то время как в основном тексте имеются в виду не совсем широкие слои или даже совсем не они.

Например: «Французские депутаты: “Крым принадлежит России, точка”» (ВВС Русская служба, 2 августа 2016). А далее следует такой текст: «“Крым в составе России – эту реальность необходимо признать” – вот главная идея, которую депутат Национального собрания Франции Тьерри Ма-

риани так или иначе повторял в течение практически всей пресс-конференции в Москве».

Итак, в заголовке говорится о депутатах, а героем основного текста является очень известный, но все-таки один депутат. Это как если бы мы сказали: «Ходят тут всякие», имея в виду только своего пристыженного собеседника. Или когда кричат в соседнюю комнату: «Люсь, подними трубку: Германия звонит!» (при том, что из Германии звонит всего-навсего один ухажер, а не несколько). Удобен подобный прием при подаче фейковых новостей тем, что его легко принять за очень распространенную безобидную бытовую неряшливость речи, очень редко инфицирующую подсознание.

Сходный прием – в следующем примере:

«Берлин сдает Донбасс американцам

В “нормандском формате” переговоров по мирному урегулированию в Донбассе могут появиться новые лица. Этого не исключил глава рабочего штаба по вопросам Украины МИД Германии Йоханнес Регенбрехт, которого со ссылкой на украинские СМИ цитирует Взгляд.ру» (Рамблер-новости, 6.09.2016).

Здесь Берлином в смысле «властные круги ФРГ» именуют одного представителя властных структур СМИ. Сухой осадок: скоро Донбасс уйдет под контроль США.

3.2. «Со стороны виднее», или «Сверху видно все»

Этот прием основан на том, что наш читатель привык больше доверять не домашним, а «их» экспертам, людям «извне», и чем они «заграничнее», тем больше к ним доверия как к объективным экспертам¹. Поэтому даже одного голоса чужого эксперта достаточно для того, чтобы склонить чашу весов в нужную сторону. Например:

«Инвестор из США посоветовал покупать рубли

Американский инвестор Джим Роджерс прокомментировал сложившуюся ситуацию на нефтяном рынке. В беседе с журналистом RT он посоветовал покупать рубли и признался, что сам обладает активами в этой валюте» (Рамблер-новости, 7.09.2016).

Внешний статус «импортного» эксперта из дальнего зарубежья дает основания для интерпре-

¹ Но не обязательно как к высоко нравственным людям. На этом основан юмор заметки, текстуально совпадающей со старой скороговоркой, в рубрике «Их нравы» в «Литературной газете»: «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет».

татора считать (в полном соответствии с коварными намерениями автора заметки) высказываемое мнение очень заслуживающим внимания. Вряд ли подобный эффект имело бы сообщение, в котором вместо инвестора из США фигурировал «недалекий» эксперт – старший экономист из Жмеринки или продавщица магазина «Пятерочка». Этот же трюк неплохо сочетается с приемом «Один за всех», см. выше пример про «французских депутатов» Тьерри Мариани.

Такой способ укрепить веру читателя в правоту нашего дела и в то, что мы «идем правильным путем» (раз уж даже «не наши» эксперты из не очень дружественных стран толпами согласны с нашей политикой) успешно и продуктивно использовался в советской пропаганде, см. [Венн 1989: 15]. А в итоге останется экспертно подкрепленная вера в силу не только наших танков быстрых, но и нашего рубля.

3.3. «Как хорошо, что другим тоже плохо»

Это случай, когда минимальное ухудшение ситуации у «не нашей» стороны подается как серьезное поражение. Например:

«Биржевой курс доллара за полчаса рухнул на 70 копеек

За несколько минут доллар подешевел примерно на 70 коп., опустившись ниже 67 руб. Аналитики связывают падение курса доллара с выходом разочаровавшей рынок статистики ВВП США и коррекцией цен на нефть» (РБК, 29.07.2016).

После резкого падения рубля в 2014 г. разница курса в 70 копеек незначительна. Предикат *рухнуть* подает событие в гораздо более драматичном ключе, чем подсказывает здравый смысл. Однако читатель уже отметил, что доллар-таки рухнул, а кому нынче дело до копеек? И отсюда – когнитивный осадочек: да ну его, ненадежный доллар! Наш рубль посильнее будет!

4. Личная vs. массовая гигиена знания и понимания

Для герменевтов освящен столетиями следующий принцип «священной целостности понимания» Оригена: при кажущихся несоответствиях между различными эпизодами текста следует стремиться к гармонизации, к восстановлению связности и логичности текста (подробнее см. [Демьянков 1983]). То есть поддайтесь гипнозу на момент чтения. Однако, – добавим мы вместе с санитарями знаний, после этого постарайтесь-ка вычеркнуть когнитивный осадок – все ко-

варные знания, которые проникнут в ваше подсознание при прочтении чужого текста.

В противоположность этому дежурная служба понимания держит руку на пульсе и предполагает другой подход: установив несоответствия в тексте, подумайте, нет ли здесь злого умысла? Не пытаются ли вас ввести в заблуждение¹? Осторожность и вовремя нейтрализованная некорректная манипуляция (подобно дорогому антивирусу) избавят в дальнейшем от трудоемкой «чистки» базы знаний: промывание мозгов нынче слишком дорого обходится. Дешевле будет мозги сразу не засорять.

К личным средствам гигиены в случае типа «Один за всех» относится установка интерпретатора на проверку того, действительно ли референтом для именованного являются буквально «широкие слои» экспертов и/или представителей власти – или же мы имеем дело с чрезмерно щедрой фигурой речи. Формулировку других предписаний предоставим читателю.

Сложнее дело со средствами массовой гигиены. Традиционно это задача «контрпропаганды», однако, как показывает опыт последних лет,

¹ Авторы текстов, вводящих в заблуждение, и сами обманываться рады. Когнитивному санитару поэтому не обязательно следовать буквально всем наставлениям Бальтасара Грасиана. Но осторожность никогда не бывает лишней: «Жизнь человека – борьба с кознями человека. Хитрость сражается, применяя страгемы умысла: никогда не совершает то, о чем вещает; целится так, чтобы сбить с толку; для отвода глаз искусно грозит и внезапно, где не ждуг, разит, непрестанно стараясь обморочить. Явит один умысел, дабы проверить соперника помысл, а затем, круто повернув, нападает врасплох и побеждает. Ум пронизательный, однако, предвидит ее происки, следует за нею исподтишка, усматривает противное тому, в чем уверяют, и вмиг узнает обманный ход; переждав атаку первого умысла, ждет второго и даже третьего. Заметив, что ее раскусили, злокозненность удваивает усилия, используя для обмана самое правду. Иная игра, иные приемы – теперь хитрость рядится в одежду бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия. На помощь тогда приходит наблюдательность; разгадав дальновидную цель, она под личиной света обнаруживает мрак, избличает умысел, который, чем проще кажется, тем пуще таится. Так, коварные тучи Пифона борются со светозарными лучами Аполлона» [Грасиан 1647/1984: 7]. И далее: «Хитрец любит вселить в другого беспечность, атакуя волю и убеждая не опасаться, он побеждает. Такой скрывает свой главный умысел – выставляя напоказ второй, а на деле осуществляя первый: в беспечного врага стреляют наверняка. Но там, где бодрствует умысел одного, пусть не дремлет пронизательность другого, и, когда тайный умысел отступает назад, в засаду, пронизательность выступит вперед, в разведку. Пусть осторожность разгадает повадки коварства и примечает, как оно кружит вокруг да около своей цели. На словах одно, на уме другое; сбивая с толку, бьет в точку. Смотри же хорошенько, в чем ему уступаешь, а порой уместно показать, что хорошо его понимаешь» [Грасиан 1647/1984: 48].

массовая гигиена понимания не повредит и в домашнем тылу, далеко от идеологического фронта.

Несоблюдение же мер «когнитивной предосторожности» грозит страшными последствиями на всех фронтах.

Заключение

1. Когда-то мало кто сомневался в том, что язык можно изучать исключительно как предмет в себе и для себя. Однако постепенно интерес к тому, что делается на соседних с лингвистикой участках, зародил сомнения в том, что границы между «знанием языка» и «знанием мира» незыблемы. Сегодня же когнитологи даже не сомневаются в отсутствии этих границ.

2. Эмпирическое контрастивное исследование практик речевой манипуляции и противодействия ей в различных национальных культурах представляет очень важную область приложения сил когнитивной лингвистики. Можно даже сказать так: кто же, если не когнитивная лингвистика, сможет справиться с этой задачей?

3. Однако профилактические действия по борьбе с дезинформацией должны осуществляться содружеством самых разных дисциплин. Но когнитивные науки в этом содружестве играют ключевую роль.

Список литературы

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Грасиан Б. Карманный оракул, или наука благоразумия, где собраны афоризмы, извлеченные из сочинений Лоренсо Грасиана // Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон: пер. с исп. М.: Наука, 1984. С. 5-65. Испанский оригинал 1647 г.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58-67.

Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 77-120.

Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 5-9.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.

Benn D.W. Persuasion and Soviet politics. Oxford: Blackwell, 1989.

Daval R. Logique de l'action individuelle. Paris: Presses universitaires de France, 1981.

Foley W.A., Van Valin R.D. Information packaging in the clause // Language typology and syntactic description. Vol. 1. Clause structure / Shopen T. (ed.). Cambr. etc.: Cambr. UP, 1985. P. 282-364.

Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969.

Hinzen W. An Essay on Names and Truth. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Kambartel F., Schneider H.J. Constructing a pragmatic foundation for semantics // Contemporary philosophy: A new survey: Vol. 1. Philosophy of language & philosophical logic / Fløistad G. (ed.). The Hague etc.: Nijhoff, 1981. P. 155-178.

Underwood G., Batt V. Reading and understanding: An introduction to the psychology of reading. Oxford: Blackwell, 1996.

Vallduvi E. Structural properties of information packaging in Catalan // Discourse configurational languages / Kiss K.É (ed.). N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 122-152.

Vukovich A. The emergence of meaning by linguistic problem solving // Ambiguity in mind and nature: Multistable cognitive phenomena / edit. by Kruse P., Stadler M. Berlin etc.: Springer, 1995. P. 241-252.

KNOWLEDGE TRANSFER AND COGNITIVE MANIPULATION

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vdemiank@mail.ru

Unlike immediate experience, most of information acquired from texts is inferred from and generated by previous knowledge representations and not by facts themselves.

In ordinary language and in scientific discourse, knowledge and information, as well as knowledge and information representations, are metaphorically talked about in spatial terms. The term 'knowledge transfer' itself is an instance of this ordinary language presupposing non-literal use of terms when talking about things not immediately known.

‘Spread of knowledge’ and ‘dissemination of false information’ in mass-media are further realizations of this figure of speech having much in common with biological and chemical ground contamination as well as with epidemic. Such classes of malignant knowledge transfer are particularly interesting for cognitive sciences. The task of cognitive linguistics may consist in discovering how cognitive infection arises out of ‘fake news’, what cognitive mechanisms of information dissemination are based on and how it may be cured, prevented and/or neutralized. This investigation involves what may be called ‘cognitive hygiene’. It presupposes empirical contrastive study of cognitive technologies and practices of verbal manipulation traditionally used by different national cultures. Most of verbal techniques base upon linguistic properties of utterances, especially referential ambiguity of sentences. Several classes of such linguistic techniques of cognitive infecting and disinfecting are demonstrated in this paper. Techniques of neutralizing their effect are here proposed which may be effective in lowering or neutralizing pernicious informational impact on readers of news in mass-media. The following super-maxim of conservative reading may be put forward: The current text interpretation is only an interim product, contradictions between an individual’s ‘knowledge base’ and a text which do not always suggest discarding old knowledge in favor of new one.

Comparing titles and main texts of news in mass-media yields especially interesting results for the theory of interpretation. Titles often present information to be perceived and acquired uncritically, they are usually gates for infective information slipping into readers’ minds. Even when the main text following these titles openly refutes the information contained in such titles, an inadvertent reader may already have acquired the informational poison and passes by what follows in the main text without noticing this discrepancy.

Especially effective are on-line interpretive tactics, when readers follow cognitive-hygienic prescriptions in the process of primary interpretation itself. It is easier to detect and to remove traces left by harmful infection during or soon after cognitive attacks than afterwards.

***Key words:** cognitive sciences, knowledge transfer, cognitive infection, cognitive hygiene, verbal manipulation.*

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 14-28-00130 “Linguistic Technologies in interaction of humanities” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Demyankov, V. Z. (2017). Knowledge transfer and cognitive manipulation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-13. (In Russ.).